

БАБУШКА («СКЕЛЕТ В ШКАФУ»)

ЕНАТЕРИНА МАНЬНОВА
Родилась в 1991 году в Москве, живет в Санкт-Петербурге. Выпускница факультета журналистики СПбГУ (2013-й — специалитет, 2016-й — аспирантура).

Предпринимательница, блогер, автор нон-финшеники по мотивам блога, создательница сенс-просветительского проекта и номьюнити. Участница курса BAND «Нак писать прозу. Искусство истории».

Полиэстерел. Так моя бабушка называла любую отличную от хлопка одежду. Хлопок был для бабушки богом. Так же как бирка с надписью «Made in Germany», профессор по телевизору и мыло хозяйственное, которым она могла отстирать все на свете, даже меня.

Я рос незаметно, запертый в пыльной коробке три на четыре с низкими потолками, между комнатой, в которой кашляла бабушка, и комнатой, где брэнчал на гитаре наш пьяный сосед. Дядя Виталик не был плохим человеком, он знал десять группы «Кино» и три песни группы «Агата Кристи». Может, он знал и другие песни... Как-то весной дядя Виталик заперся в комнате и начал беспробудно брэнчать «Опиум для никого». «Запил», — сказала тогда бабушка. Возле комнаты дяди Виталика часто выстраивались в ряд прозрачные бутылки, и так же прозрачны были его глаза, если вдруг сталкивался с ним где-то на подступах к туалету. Иногда бабушка выносила бутылки, но они неизменно появлялись вновь, словно армия, осаждающая крепость. Бабушка все время грозилась, что ее терпение скоро лопнет, а мне почему-то было ужасно смешно от этого — я представлял, как лопаются сама бабушка, ведь она была такая красная, круглая, словно надутый шарик. Но бабушка так и не лопнула, а вот дядю Виталика однажды забрали два угрюмых милицио-

нера. «Поножовщина», — кратко сказала бабушка. Такого диковинного слова я раньше не слышал. Сунулся было к бабушке с расспросами, но не тут-то было: она ответила только: «Вырастешь — узнаешь» — и плотно сжала тонкие губы. Это значило, что она больше ничегошеньки не расскажет и просить бессмысленно.

Спросить мне было не у кого: старухи, приходившие в гости, вряд ли такое слово знали: все их беседы сводились к обсуждению непутевых детей, соседей и какого-то непонятого собеса, в котором вечно что-то дают и всегда очередь. Поэтому я придумал свое объяснение: дядя Виталик, наверное, украл в магазине нож. У нас на кухне все ножи были вечно тупые, и бабушка вечно причитала, мол, мужиков-то в доме нет, поточить некому.

«Ну, за нож большой срок не дадут», — рассудил я. Но прошло лето, подходила к концу и осень, а комната соседа стояла закрытой. Я даже соскучился по «Опиуму», и по «Моряку», и по «Пачке сигарет» Виктора Цоя.

А потом однажды появился вихрь рыжих волос, розовый топ с надписью «love is», голубые, плотно обтягивающие зад шортики. Дочку дяди Виталика звали Лариса. Вместо «Агаты Кристи» стали доноситься магнитофонные записи Дженнифер Лопес и Бритни Спирс, а прозрачные бутылки возле двери сменили изношенные белые крос-

совки Nike, за которые я бы душу продал. Я порой останавливался возле комнаты, брал одну кроссовку в руки, разглядывал со всех сторон, ковырял пальцем прилипшую к подошвам грязь. «Гуляющая», – сказала как-то бабушка, бросив презрительный взгляд на обувь. Я не понял, что в этом было плохого: по мне, так нечего дома сидеть, коли у тебя есть кроссовки и ноги.

Бабушка крепко невзлюбила Ларису и вечно устраивала ей какие-то мелкие пакости. То все сигареты в пачке переломает, то кинет горсть соли ей в суп, чуть только та отвернется. Лариса была слишком рассеянна и незлобива, чтобы придавать значение бабушкиным проделкам. Бабушку это еще больше злило. «Выродок!» – как-то прошипела она после очередной пакости. Я понятия не имел, что значит «выродок», но почему-то понял, что это что-то очень плохое. Лариса, до сих пор игнорировавшая все попытки бабушки ее задеть, вдруг посмотрела на нее и расплакалась. – За что вы меня так не любите? – спросила она. – А за что мне тебя любить? – злобно сказала бабушка. – Приблуда – приблуда и есть. – Ненавижу тебя! – закричал я и вылетел из комнаты.

Ненавидел я, конечно же, бабушку. Ларису я уже полюбил и твердо вознамерился ее защищать. Но та блуждала в каком-то особом туманном мире и не обращала на мою защиту никакого внимания, что порой приводило меня в отчаяние.

Потом бабушка начала умирать.

Стали реже приходиться старухи и чаще – врачихи. В доме поселилась скорая. Они много топтали и никогда не снимали сапог, входя в комнату. Я всегда недоумевал – неужели так сложно снять сапоги? Я провожал их к кровати бабушки и тихонько прятался в угол.

– Ох ты ж еж ты, уже помирать пора, – всегда причитала бабушка, – да на кого ж я его оставляю?

На этом моменте врачи бросали на меня короткие, скупые взгляды и сразу же отворачивались.

– Вам эти таблетки давно пора на вот эти сменить, те не помогают уже. И побольше покоя, лежите чаще, не напрягайтесь.

Дальше следовали новые охи и вздохи бабушки. Хорошие таблетки были слишком дороги, пенсия – двенадцать тысяч рублей, а еще за квартиру поди плати и несчастного внука поднимай. А покой – какой уж тут покой, с этой рыжей приблудой? Врачи жали плечами, захлопывали свои белые сундучки и уезжали. После них оставалось много грязных следов.

Бабушка дышала тяжело и постепенно проваливалась в длинный беспокойный сон. Я следил за ней из угла, вслушивался в ее вдохи и выдохи, в тиканье старых настенных часов. Я мог сидеть так часами, не издавая в окружающий мир почти никаких звуков, но жадно впитывая те, что в нем уже были. Я впадал в какое-то полудремотное, мечтательное состояние, и комната бабушки казалась мне каютой на корабле, тихонько покачивающейся на волнах чужеземного моря...

И вот как-то раз остались только тикающие часы.

Я тихонько подъехал к бабушке, наклонился над ней и прижался щекой к груди. Сердце молчало. Тогда я аккуратно сложил ее руки на груди – так я видел один раз на похоронах, когда умерла бабушкина подруга Зоя Ильинична.

Я поехал в комнату Ларисы – рассказать о том, что бабушка умерла, потому что мне больше было некому рассказать об этом. Возле двери я услышал странные звуки – Лариса то ли стонала, то ли кричала, но каким-то странным, высоким, не своим голосом. Я первый раз слышал такое. Возле двери стояли две пары кроссовок – вторые были огромные, уродливые, все заляпанные уличной грязью. Я заподозрил неладное и сильно толкнул дверь.

В глаза мне ударило что-то белое, и я на пару секунд даже зажмурился, сердце сильно заколотилось. Потом снова открыл глаза: это было молочно-белое тело Ларисы, совершенно голое, а в его вцепилось большое желтоватое тело мужчины.

– Проваливай отсюда немедленно, убогий! – закричал он мне.

Я сжал кулаки, резко развернул коляску и поехал прочь.

Я услышал, что Лариса зло сказала: «Не смей его так называть», а мужчина в ответ начал что-то быстро рассерженно говорить.

Я заехал в комнату, хлопнул дверью, переполз на руках на кровать и отвернулся к стене. В этом момент я почувствовал, что люблю ее. Я был бессилен против этого парня, против его большого крепкого желтого тела, против этих огромных уродских кроссовок с прилипшей грязью, против запаха табака и против запаха пота. Потом я вспомнил, что еще и бабушка умерла и я остался совсем один. Бабушка, конечно, редко была ласковая, чаще злилась и причитала, и все-таки она была моя собственная, любимая бабушка, и ей до меня было дело.

Я заплакал. Я плакал долго и мучительно, над-
рываясь своим одиночеством и убожеством. Потом
дверь комнаты отворилась. Я сразу по шагам по-
нял, что это Лариса. Она села на край кровати
и начала гладить меня по голове. Я сначала от-
ворачивался, а потом не выдержал, схватил ру-
ками ее руку, уткнулся в нее мокрым лицом и не
отпускал.

– Ну что ты, миленький, хороший, он ушел уже.
Больше он не придет. Никакой ты не убогий,
слышишь? Ну что же ты, что ты, не плачь, не
плачь. Давай позову бабушку?

Тут до меня дошло, что она ведь еще не знает
о том, что бабушка умерла.

Я отнял голову от ее руки и посмотрел на нее.
Лицо было таким красивым и сливочным, от нее
пахло потом и ментоловой жвачкой, и это было
безумно приятно.

– Она не придет, – сказал я. Голос получился
хриплым и каким-то взрослым. Я даже сам его
испугался.

– Почему не придет, Сереженька? Конечно, при-
дет.

– Не придет. Потому что она умерла.

Лариса крепко сжала мою руку и какое-то вре-
мя сидела так неподвижно, не издавая никаких
звуков, только быстро-быстро дышала.

– Ты уверен? – тихо спросила она наконец.

– Уверен. Сердце остановилось. Я к тебе поэтому
и ворвался. Нужно ж было кому-то сказать.

Лариса отвернулась и уткнулась носом в пле-
чо. Я увидел в ее глазах слезы, и у меня бешено
застучало сердце.

– Эй, ну что ты? Она же тебя не любила.

– Конечно, не любила. И отца моего не любила.
Думала, мы с отцом мать твою в могилу све-
ли. Даже рассказывать мне строго-настрога
запрещала, что мы с тобой по отцу родные.
Господи, да что ж мы теперь делать-то с тобой
будем?

Лариса зарыдала. Сначала – тихо, беззвучно.
Потом – с каким-то грудным воем.

Я смотрел, как тряслись ее худенькие плечи,
смотрел, смотрел, и тут на меня вдруг свалилась
эта чудовищная, большая правда.

